

борьбе с пережитками прошлого на практике ведет к возвращению назад, к пройденным и отвергнутым общественным развитием этапам, к возрождению чуждых социализму представлений и взглядов»⁶.

Наконец, не следует забывать, что буржуазные идеологи считают утопией воспитание нового человека, свободного от частнобуржуазной психологии и морали. Это значит, вопрос об искоренении пережитков прошлого и других отрицательных явлений — вопрос идеологически острый. Его принципиальное положительное решение в социалистическом обществе — подтверждение верности марксизма-ленинизма как научного мировоззрения, идеологии рабочего класса, преобразующего в соответствии со своими коммунистическими идеалами, знаниями и убеждениями социальную действительность.

Таким образом, борьба противоположных мировоззрений в условиях социализма не примиряется и не нейтрализуется. Борьба старого с новым, передового и отсталого не ослабляет, а укрепляет социальное единство нашего общества, ведет к укреплению в нем научного, диалектико-материалистического мировоззрения, которое «делает коммунистов, трудящихся сознательными политическими бойцами, способными самостоятельно оценивать социальные явления, видеть связь текущих задач с нашими конечными целями, вести аргументированную полемику с любым идейным противником»⁷.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 7.

² Там же. С. 60.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 406.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. С. 8.

⁵ Ковалев С. М. Антиобщественные проявления в социалистическом обществе и пути их преодоления. М., 1984. С. 8.

⁶ Никитин Л. Н. Борьба с пережитками прошлого как важный аспект коммунистического воспитания // Научный коммунизм. 1983. № 1. С. 75.

⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. С. 41—42.

МИРТА ИОРДИ ГАРСИЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕИ ФИДЕЛЯ КАСТРО ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ

Ныне социальная ситуация в Латинской Америке характеризуется подъемом революционного и антиимпериалистического движения, новым этапом освободительной борьбы. Успехи в строительстве социализма на Кубе, революция в Никарагуа, развитие событий в Сальвадоре и других странах региона со всей определенностью убеждают, что исторический процесс освобождения латиноамериканских народов необратим.

Победа кубинской революции, ознаменовавшая собой качественно новый этап в латиноамериканском освободительном движении и начало утверждения социализма в западном полушарии, вызвали подъем мощной волны антиимпериалистического движения. Сложная и противоречивая социально-политическая обстановка на континенте требует глубокого осмысления важнейших проблем нынешнего этапа освободительного движения, уточнения вопросов тактики и стратегии борьбы, разработки конкретной программы революционных действий.

Подтверждается справедливость известного вывода марксизма о том, что история реализуется в массовых социальных действиях людей, в их классовой борьбе. Ф. Энгельс считал, что «в истории прогресс выступает в виде отрицания существующих порядков»¹. Современное общественное развитие полностью подтверждает диалектико-материалистический вывод об универсальности роли социального отрицания как специфического типа деятельности, направленной на упразднение или существенное преобразование социальной системы в целом или ее структурных элементов². В этой связи представляется актуальным исследование с марксистско-ленинских позиций опыта кубинского революционного процесса, выявление его социального субъекта, объекта, направленности, цели и характера.

В истории кубинского революционного движения значительным собы-

тием является штурм казармы Монкада 26 июля 1953 года. Анализу данного социального действия посвящен труд Фиделя Кастро «История меня оправдает». Это первый программный документ кубинской революции, образец творческого подхода к развитию теории революционного отрицания.

Как известно, восстание кубинского народа в 1953 году было направлено на свержение диктаторского режима Батисты. Обострив до предела социально-экономические и политические противоречия, диктаторский режим дал толчок развитию революционного движения трудящихся Кубы. Вот как описывал социально-экономическое и политическое положение государства 50-х годов Ф. Кастро: «Куба продолжает оставаться страной-поставщицей сырья... Владельцы капитала требуют, чтобы рабочие терпели любое угнетение, правительство бездействует, а индустриализация откладывается... Государство бездействует, в то время как народ продолжает жить в лачугах и без света. От такой нищеты может избавить только смерть и уж в этом-то деле государство действительно оказывает помощь»³. Бедственное положение трудового народа в стране вызывало забастовки и стачки, военные бунты, студенческие волнения. Реакционный режим отвечал на эти массовые выступления трудящихся усилением террора. В этих условиях действительным социальным объектом отрицания, который должен был качественно преобразоваться, оказалось «...неконституционное, самозванное, не имеющее никакого законного и, тем более, морального права на существование правительство»⁴. Именно против данной незаконной власти, основанной на насилии и смерти, было поднято восстание.

Вооруженное восстание явилось результатом революционных действий кубинского народа. «Под народом, — говорит Фидель, — мы понимаем огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предают, но которая жаждет иметь лучшую, более достойную родину»⁵. Фидель Кастро подчеркивает, что народ как исторически изменяющаяся общность людей включает в себя основную ее часть, те слои, классы, которые по своему объективному положению способны сообща участвовать в решении задач прогрессивного, революционного развития страны в данный период. В условиях обострившихся социальных конфликтов в готовности масс к борьбе можно было не сомневаться. К тому же, как известно, не весь народ начинает восстание, а прежде всего его вооруженные отряды, т. е. военная сила революционного народа, «которая состоит, — по словам Ленина, — 1) в вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятые все вместе, это и составляет **революционную армию**. Говорить о восстании, о его силе, о естественном переходе к нему и не говорить о революционной армии есть нелепость и путаница...»⁶.

В свете данного ленинского тезиса особую значимость имеет характеристика Фиделем военной силы революционного народа Кубы: «...Мы называем народом кубинцев, которые не имеют работы... сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах... голодающих... промышленных рабочих и чернорабочих... мелких землевладельцев, которые живут и умирают, обрабатывая землю, не принадлежащую им... Мы говорим также о самоотверженных учителях и преподавателях... о мелких торговцах, отягощенных долгами... о молодых специалистах... Вот это и есть народ — те, кто переживает все несчастья и поэтому готов бороться со всей отвагой!»⁷ Можно также было полагаться на готовность части войска перейти на сторону народа. «Военные моряки, — говорил Фидель, — не боролись против нас, и нет сомнения, что они присоединились бы к нам...»⁸.

Таким образом, основными силами революционного движения на Кубе в 50-е годы оказались рабочий класс города и деревни, беднейшее крестьянство, студенчество и часть интеллигенции, городские мелкобуржуазные слои. Национальная буржуазия занимала непоследовательную, но в общем благожелательную позицию в борьбе против диктаторского режима, который ущемлял ее интересы.

Совершая революционное действие, народ ставит перед собой определенную цель и стремится достичь ее. Анализируя социальное положение Кубы 50-х годов, Фидель говорил: «Земля, индустриализация, жилища, безработица, образование, здравоохранение — вот те шесть проблем, шесть конкретных пунктов, на решение которых... направлены наши настойчивые усилия наряду с завоеванием общественных свобод и политической демократии»⁹. Кроме того, в программе восстания фигурировали требова-

ния, которые после взятия крепости Монкада были бы немедленно провозглашены и обнародованы в виде пяти революционных законов.

Сформулированные Фиделем социальные задачи восстания для стран Латинской Америки имеют особенно большое значение, так как одним из важнейших условий привлечения революционными силами средних слоев на свою сторону является тщательное определение очередности и сроков социальных преобразований, которые не должны ущемлять экономических интересов этих слоев, а напротив, способствовать их вовлечению в борьбу против империализма, местного крупного капитала и олигархии.

Из рассмотрения реального положения Кубы следовал ответ на вопрос, каким образом, каким способом осуществить восстание. «Призыв к восстанию — крайне серьезный призыв, — отмечал Ленин. — Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга»¹⁰. Общественно-экономические и политические условия Кубы в это время требовали революционной развязки в настоящем смысле слова. «Революция, — по словам Фиделя, — должна привести к глубоким изменениям социальной структуры страны... хотя бы должна прокатиться на поверхности общественного болота одна волна, которая всколыхнула бы царящую гниль...»¹¹.

Продолжая анализ методологической значимости идей Фиделя, отметим, что существенное значение при рассмотрении любого революционного действия как проявления социального отрицания имеет его объективный результат. Несомненно, демократический переворот на Кубе в 50-х годах назрел, но у революционеров не хватило сил для его осуществления. «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов»¹². Несмотря на то, что кубинское общество в 1953 году находилось в состоянии обострения его внутренних противоречий, восстание 26 июля было подавлено. Произошло это по разным причинам. В частности, план восстания разрабатывали люди, среди которых никто не имел военного опыта. Были допущены и просчеты в выработке конкретной тактики восстания.

В данной связи опять-таки уместно обратиться к ленинскому анализу опыта революции. «Ошибочно было бы думать, — писал Ленин, — что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития... Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»¹³. Для Кубы это гниение затянулось на пять лет, пять месяцев и пять дней.

Штурм казармы Монкада не означал еще победы революции, но указал кубинскому народу путь к национальному освобождению. Революционная программа «Монкада» явилась «определяющим фактором, который превратил в стратегическую победу тактический просчет 26 июля»¹⁴.

В условиях обострения идеологической борьбы против Кубы правильное понимание марксистского содержания научно-революционной программы «Монкада» позволяет объективно выявить реальные причины, условия, субъект и объект кубинского революционного процесса, дать отпор попыткам буржуазных идеологов обосновать тезис об отсутствии будто бы объективных условий для развития революционного процесса в стране. Так, в книге кубинского контрреволюционера Э. Гонзалеса «Куба под Кастро: пределы божественного дара» говорится, что на Кубе тогда не созрели объективные условия для осуществления революции. Куба в это время, по его утверждению, уже не являлась «аграрной страной», а превратилась в «городское общество», где различия между городом и деревней не были так заметны, как в других районах Латинской Америки. Надуманными являются и его утверждения о том, что действительные причины кубинской революции необходимо искать якобы в феномене «борьбы поколений», что революция является вообще лишь продуктом поколения «Монкады, поколения юных фиделистов»¹⁵. Согласно такой «логике», все революции представляют собой процесс смены одного поколения другим.

В интерпретации революционных событий на Кубе противники социализма порой скатываются к явной мистике. Все тот же Э. Гонзалес утверждает, что штурм казармы Монкада имел элитный характер и выявил черты «божественного стиля руководства», и, хотя Монкада потерпела

поражение, она явилась источником рождения на Кубе «революционного мифа».

Итак, данный в работе Фиделя Кастро «История меня оправдает» анализ революционного процесса как закономерно обусловленного социально-го отрицания позволяет при помощи диалектико-методологического инструментария исследовать реальные процессы общественного развития Кубы во всей их сложности, многообразии и противоречивости. Опыт кубинского революционного движения подтверждает, что любые глубокие социально-экономические преобразования в странах Латинской Америки неизбежно выливаются в борьбу против американского империализма и местной олигархии, за решение аграрного вопроса, завоевание демократических свобод.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 526.

² См.: Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972. С. 77.

³ Кастро Ф. История меня оправдает. Гавана, 1981. С. 90.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 365.

⁷ Кастро Ф. История меня оправдает. С. 77.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 366.

¹¹ Кастро Ф. История меня оправдает. С. 171.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 33. С. 175.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 366—367.

¹⁴ Plataforma Programática del PCC. Habana, 1976. P. 19.

¹⁵ Rodríguez Zaira. La Historia me absolverá 30 años después // *Revolucion y Cultura*. 1984. N 7. P. 15.

И. М. НАЛИВАЙКО

О КРИЗИСЕ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭТИКЕ

На протяжении первой половины XX века развитие англо-язычной этической мысли осуществлялось преимущественно в рамках позитивистской, сциентистски-ориентированной методологической традиции. Предпринятая Дж. Э. Муром критика «натуралистической ошибки» и основанных на ней нормативных теорий привела к полному отказу от анализа содержательной проблематики и концентрации усилий философов морали на прояснении значений этических терминов, изучении логики языка. Однако последовательное развитие этой сформировавшейся в духе основных методологических установок позитивизма метаэтической доктрины выявило несостоятельность ее претензий на статус подлинно научной этической теории. Строгая научность, отвечающая требованиям объективности и рациональности, трансформировалась в эмотивизме в свою противоположность — субъективистский произвол и иррационализм и, следовательно, этика потеряла всякие права на звание «практической философии». К концу 50-х годов стало очевидно, что буквальное следование метаэтическим установкам завело философию морали в тупик. Поиски выхода из этого тупика привели к попыткам реабилитации содержательной проблематики путем не критического соединения некоторых элементов нормативной этики с общими методологическими принципами пришедшего на смену неопозитивизму постпозитивизма. Наиболее отчетливо эта тенденция оформилась в концепции так называемого «логического натурализма», или «этики хороших оснований».

Несмотря на то, что «этика хороших оснований» является логическим следствием метаэтической теории, импульс, полученный ею со стороны эмотивизма, был чисто негативным. В ее задачу входило, в первую очередь, преодолеть противоречия последнего, — заполнить мировоззренческий «метафизический» вакуум, который образовался в науке о морали в период полувекowego господства метаэтики, восстановить в правах буржуазный идеал рациональности как способность морального субъекта к рациональному расчету, опирающемуся на предельно полную информацию. В связи с этим логические натуралисты объявляют основной целью этической тео-